

Сегодня благодаря активному введению в научный оборот ранее не известных источников отечественные и зарубежные исследователи определяют новые тенденции изучения рассматриваемой тематики. Например, ещё частично остающаяся «белым пятном» история преследования и уничтожения советских евреев получила определённый импульс после изучения документов ЧГК (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 1942 г.)³⁰. Опубликованные после 1991 г. воспоминания людей, переживших нацистскую оккупацию, позволили по-иному взглянуть на социальную историю Второй мировой войны, в том числе на проблемы коллаборационизма.

В постсоветский период западные исследователи перешли на микроуровень и сконцентрировали внимание на особенностях коллаборационизма в конкретных регионах³¹. Этому способствовали как открытие для них российских, в том числе региональных, архивов, так и начавшееся на Западе изучение динамики и видов насилия (неотъемлемая часть нацистского оккупационного режима) как особого феномена.

В последние годы западные и отечественные историки вновь обратились к проблеме мотивации коллаборационистов. В центре таких исследований (в отличие от работ, написанных в годы холодной войны) оказались обычные советские люди, жители оккупированных городов и сёл, а также солдаты Красной армии и те, кто перешли на сторону врага в годы войны, но после её окончания вернулись в СССР.

М. Эделе (Университет Мельбурна)³², например, отвечая на вопрос, почему десятки тысяч красноармейцев ушли к немцам, констатировал: лишь малая часть солдат оказалась в стане врага действительно по политическим мотивам, главной же причиной дезертирства остальных стало их единственное желание — выжить³³.

Автор опроверг и гипотезу о детерминированности поведения во время оккупации определённых национальных или социальных групп советских граждан. Это мнение поддержал С. Бернстейн. Он подробно описал короткий

³⁰ О создании Чрезвычайной государственной комиссии см.: *Sorokina M. People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // Kritika. Vol. 6. 2005. № 4. P. 805—835.*

³¹ Об оккупации и коллаборационизме в Украинской ССР см.: *Dallin A. Odessa, 1941—1944: Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule. Iasi; Oxford; Portland, 1998; Berkhoff K. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, 2004; Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s—1990s. N.Y., 1998; Lower W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005; Penter T. Kohle für Stalin und Hitler: Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. Essen, 2010; Eikel M., Sivaieva V. City Mayors, Raion Chiefs, and Village Elders in Ukraine, 1941—1944: How Local Administrators Co-Operated with the German Occupation Authorities // Contemporary European History. Vol. 23. 2014. № 3. P. 405—428. Об оккупации и коллаборационизме в Белорусской ССР см.: *Rein L. The Kings and the Pawns: Collaboration in Byelorussia during World War II. N.Y., 2011; Chiari B. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weifirussland 1941—1944. Düsseldorf, 1998. Об оккупации Смоленска см.: Cohen L.R. Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia. Rochester, 2013. О взаимоотношении между солдатами армии вермахта и местным населением см.: *Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941—1944. München, 2008; Hasenclever J. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941—1943. Paderborn, 2010.***

³² *Edele M. Stalin's Defectors. How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941—1945. Oxford, 2017.*

³³ *Ibid.* P. 10.